

ОЦЕНКА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ, АГРЕССИВНОСТИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МУЖЧИН, СКЛОННЫХ К РИСКУ: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ*

Мужская поведенческая стратегия, ассоциированная с физическим риском, является одной из универсальных основ, на которых строились закрепившиеся в обществе представления о маскулинности. Склонность к риску, в целом, может сигнализировать о большей конкурентоспособности мужчины, а физически рискованные действия восприниматься как «мужественное» поведение, а также свидетельство силы и атлетизма. Результаты ряда экспериментальных исследований и наблюдений зафиксировали половые различия в рискованном поведении. В частности, молодые мужчины чаще рискуют физически, чем женщины. Ученые-эволюционисты предположили, что эти различия могут являться следствием мужской конкуренции за доступ к половым партнерам. В данном исследовании мы представляем анализ мужских и женских оценок физического риска мужчин в российской выборке (n = 701). Мужчинам и женщинам предлагались виньетки, в которых описаны мужчины, отличающиеся по степени склонности к риску. Респондентам нужно было оценить привлекательность мужчин в контексте длительных романтических и краткосрочных (т.н. «на одну ночь») отношений, а также оценить их конкурентоспособность, склонность к агрессии, способность обеспечить качество жизни и склонность к опасному для здоровья поведению (злоупотребление алкоголем, незащищенный секс и т.п.). Степень склонности к риску оказалась значима при оценке всех предложенных параметров. Мужчины, демонстрирующие среднюю степень склонности к риску, получили самые высокие оценки по привлекательности для краткосрочных отношений. Низкорисковые мужчины были признаны более привлекательными в отношениях с долгосрочной перспективой и способными обеспечить наилучшее качество жизни. Мужчины, выбирающие род деятельности, связанный с постоянным физическим риском и опасностью, были оценены как наиболее агрессивные и конкурентные. Кроме того, высокая склонность к риску ас-

---

Апалькова Юлия Игоревна – и. о. младшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН). Эл. почта: Julia.apalkova@gmail.com. **Julia I. Apalkova** – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences (IEA RAS). E-mail: Julia.apalkova@gmail.com

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ № 01201370995 «Кросс-культурные и междисциплинарные исследования» Института этнологии и антропологии РАН

социировалась у респондентов с большей склонностью к нездоровому образу жизни и вредными привычками. Таким образом, мужское рискованное поведение влияет на социальное восприятие, привлекательность и оценку качеств мужчин, при этом высокая степень склонности к риску не всегда воспринимается как положительное качество.

Ключевые слова: мужчины, рискованное поведение, агрессия, восприятие, привлекательность, конкурентоспособность, выбор партнера

Введение

Склонность к риску предполагает, что человек осуществляет действия, которые могут привести к негативным последствиям. Результаты ряда экспериментальных исследований выявили половые различия в рискованном поведении: мужчины получают более высокие баллы по склонности к риску и реально демонстрируемому в самых разных контекстах рискованному поведению в сравнении с женщинами (*Charness, Gneezy 2011; Pawlowski et al. 2008*). Мета-анализ половых различий в оценке риска показал, что мужчины в 14 из 16 видов рискованного поведения демонстрируют большую склонность к принятию риска, чем женщины (*Byrnes et al. 1999*). Е. Вебер с соавторами (*Weber, Blais and Betz 2002*) сообщают о половых различиях в восприятии риска в четырех из пяти рассматриваемых областей: мужчины чаще, чем женщины, принимают рискованные финансовые, медико-санитарные, рекреационные и этические решения. Женщины, если и склоняются к рискованному поведению, намного чаще, чем мужчины, оценивают вероятность наступления негативных последствий, особенно, когда это касается азартных игр и здоровья (*Harris et al. 2006*). Эта разница проявляется уже в раннем детстве и постепенно увеличивается к подростковому возрасту (*Ильин 2012; Кон 2009; Apicella et al. 2017; Hillier, Morrongiello 1998*).

Половые и индивидуальные различия в оценке риска изучаются в рамках нескольких теоретических концепций (*Byrnes et al. 1999*). Некоторые исследователи предполагают, что склонность к риску входит в число социально конструируемых поведенческих паттернов. Особенности социализации девочек и мальчиков влияют на половые различия в склонности к риску: девочек учат быть осторожными и заботиться о других, тогда как мальчики социализируются, чтобы стать доминирующими, демонстрировать свою смелость и принимать риски (*Жарков 2007; Ильин 2003; Морозов 2007; Harris et al. 2006; Waldron 1997*). Другая популярная точка зрения основывается на том, что половые различия в склонности к риску универсальны (*Kruger, Nesse 2004*) и отражают дарвиновскую концепцию адаптации. Эти различия являются следствием половых различий в эволюции успешных жизненных сценариев. В ситуации конкуренции за доступ к половым партнерам разница в энергозатратах при производстве потомства и родительском вкладе создают более серьезные проблемы для мужчин, чем для женщин – в силу большей избирательности женщин (*Trivers 1972*). Женщины предпочитают в качестве партнеров мужчин, которые демонстрируют силу и способность добывать, накапливать и защищать ценные ресурсы. В эволюционном прошлом обладание ресурсами определяло репродуктивный успех мужчин (*Buss 1994*). Добыча же и удержание ресурсов на протяжении продолжительного периода в жизни рода *Ното* была сопряжена с рисками. И.С. Кон

включал стремление и любовь к новизне и риску в число классических нормативных мужских качеств (Кон 2008). При этом в свете эволюционной перспективы в наивысшей степени обоснована большая склонность мужчин к физическому риску, поскольку демонстрация такого поведения часто требует способностей и умений, опирающихся на силу и атлетизм (Farting 2005; Petraitis et al. 2014).

Мужчины, которые демонстрируют готовность принимать риски, могут подавать сигнал о своей большей конкурентоспособности и, следовательно, быть более сексуально привлекательными для женщин. Уилсон и Дэйли (Wilson, Daly 1985) утверждают, что желание участвовать в рискованных конкурентных взаимодействиях больше всего проявляется именно у очень молодых людей, поскольку для этой демографической группы давление отбора более значительно, чем для других возрастных групп. Несколько исследований попытались выяснить, влияет ли информация о мужском рискованном поведении на предпочтения женщин в выборе партнера. Например, Келли и Данбар (Kelly, Dunbar 2001) пишут, что женщины предпочитают мужчин, совершающих рискованные действия, мужчинам, не склонным к риску, в качестве краткосрочных сексуальных партнеров, а альтруистичным мужчинам отдают предпочтение как долгосрочным романтическим партнерам. Сильвестер и Павловски (Sylwester, Pawlowski 2007) также обнаружили, что тип отношений (краткосрочный или долгосрочный) влияет на оценки женщинами рискованного поведения мужчин: в контексте краткосрочных отношений те, кто рискуют, оцениваются как более привлекательные, чем те, кто риска избегает, а в контексте долгосрочных отношений – наоборот (Bassett, Moss 2004). Наше недавнее исследование показало, что мужчины, склонные к риску, раньше начинали половую жизнь, что также косвенно указывает на сексуальную привлекательность подобных мужчин, особенно среди молодежи (Апалькова и др. 2018). Эти исследования показывают, что принятие риска – часть половой стратегии мужчин, способ продемонстрировать женщинам свою «качественность». Особенно успешно эта стратегия работает в отношениях, ориентированных «на одну ночь».

Другие исследователи предполагают, что принятие риска является ценным сигналом, сформировавшимся как репродуктивное преимущество у наших предков (Bliege Bird et al. 2001). Смит с соавторами выяснили, что в племени мириам (Австралия) особенно ценятся охотники и рыболовы: занимающиеся этой деятельностью мужчины считаются успешными, получают социальное признание и сексуальные выгоды, имея доступ к более качественным партнерам (Smith et al. 2001). Исследуя репродуктивный успех у хадза, охотников-собираателей Танзании, М. Бутовская и В. Буркова (Бутовская, Буркова 2011) обнаружили связь между статусом успешного охотника и лидера и большей полигамностью, а также выяснили, что дети лидеров лучше выживают. Многочисленные варианты рискованного поведения мужчин встречаются и в повседневной жизни. Павловски и др. (Pawlowski et al. 2008) приводят данные о том, что мужчины чаще, чем женщины, начинают переходить оживленную дорогу, при этом чаще поступают так в присутствии женщин. Известно, что мужчины, разглядывающие изображения привлекательных женщин, с большей вероятностью готовы пойти на рискованные действия, по сравнению с мужчинами, которые видят перед собой изображения внешне непривлекательных женщин (Baker, Maner 2008). Во всех этих примерах зафиксирована положительная корреляция между мотивацией мужчин к вступлению в отношения и рискованным

поведением, что позволяет исследователям интерпретировать это как мужскую демонстрацию, сигнал о готовности вступить в половые отношения (*Hawkes 1991*).

Важно отметить, что представления о маскулинном и фемининном в обществе основываются не только на объективных поведенческих и психических чертах, формирующихся на базе врожденных различий между мужчиной и женщиной, но и на элементах символической культуры, закрепляющих представления о том, как нужно действовать и какими должны быть мужчина и женщина. Так, социальные ожидания того, как должен вести себя мужчина, несмотря на универсальность самих категорий маскулинности и фемининности, сильно варьируются в разных культурах и меняются с течением времени.

В российском обществе до настоящего времени преобладающими продолжают оставаться представления о том, что атрибутами образа мужчины являются независимость, агрессия, индивидуализм и доминирование (*Тулузакова 2009*). В отношении идеологии маскулинности были отмечены различия между Россией и США (*Levant et al. 2003*): российские участники исследования проявили в большей степени приверженность традиционной идеологии маскулинности, чем американцы. Интересно, что российские женщины схожи с российскими мужчинами в своих взглядах на маскулинную идеологию, чем отличаются от более феминизированных американок.

Однако представления о маскулинности постепенно теряют монолитность, все более интенсивно идут процессы, которые И. Кон охарактеризовал как «деполяризацию гендерных ролей» – прежде всего в результате трансформации и изменений в самой структуре гендерных ролей, особенно внутри социально-производственных отношений, где уменьшается роль мужской физической силы (*Кон 2010*). Изменения происходят и в восприятии мужской агрессивности. Если ранее это качество считалось необходимым, то сейчас проявления агрессии воспринимаются позитивно разве что в контексте критической ситуации и касаются реактивной агрессии – эмоционального ответа на опасную ситуацию. В обычной же социальной жизни мужская агрессия трактуется как девиантная форма поведения (*Ковалевский 2011*).

Рискованное поведение в некоторой степени позволяет смоделировать ситуации, в которых можно испытать и проявить некоторые высоко оцениваемые в обществе «мужские» качества. В то же время в контексте современных представлений о рискованном поведении, включающем разного рода экстремальные практики, ассоциированные с поиском сильных эмоций, безрассудством, неосторожностью, выходом за рамки социальных норм – склонность к риску часто трактуется негативно. Это находит отражение в оценке мужчин, склонных к риску, как «безбашенных», не очень умных, склонных к необдуманным и ничем не обоснованным действиям, опасным для собственного здоровья, а зачастую представляющим угрозу и для других людей (*Морозов 2007; Халикова 2007*). Кроме того, склонность к употреблению психотропных веществ и алкоголя может сочетаться с высокой склонностью к риску. Так, исследование личностных особенностей склонных к алкогольной зависимости подростков, проведенное А. Давыдовым выявило, что 60% опрошенных имели установку на саморазрушающее поведение, у них была выявлена низкая ценность собственной жизни, склонность к риску, выраженная потребность в острых ощущениях (*Давыдов 2007*).

Таким образом, эволюционные психологи полагают, что склонность к риску является следствием особенностей мужской психологии, развившейся в результате полового отбора, и поэтому качество мужчины определяется его успехом в рискованном

соперничестве. Тем не менее, не всякое рискованное поведение мужчины рассматривается женщинами как привлекательное, особенно в постиндустриальных обществах. Рискованное поведение может ассоциироваться у женщин с агрессивностью, а не с храбростью, и те, кто очень сильно рискуют, могут оказаться непривлекательными в качестве партнеров, особенно когда избранный способ рисковать не сигнализирует о каких-либо положительных чертах мужчины. При этом предполагается, что многие виды рискованного поведения могут восприниматься негативно, однако существуют формы риска, позволяющие мужчинам продемонстрировать свои позитивные качества, поскольку на эти виды риска могут пойти только мужчины с неординарными физическими возможностями. В настоящем исследовании основное внимание было уделено физическому риску как мужской демонстрации, имеющей эволюционное обоснование – это поведение часто включает в себя применение навыков, которые лучше демонстрируют физическую одаренность – силу и атлетизм, – чем другие (современные) виды риска (*Farthing 2005; Petraitis et al. 2014*).

В настоящем исследовании мы проанализировали мужские и женские оценки мужского рискованного поведения на примере российских мужчин и женщин. Рискованное поведение мужчин моделировалось с помощью метода виньеток. Виньетки – это краткие рассказы или сценарии, которые описывают гипотетические характеристики и ситуации, на которые респондент должен выразить свою реакцию (*Пузанова, Тертышниковна 2015*).

Мы исследовали мужскую и женскую реакции на виньетки, описывающие мужчин, которые принимают на себя риски разной степени, с точки зрения краткосрочной и долгосрочной привлекательности, агрессивности, конкурентоспособности, способности к обеспечению качества жизни и склонности к опасному для здоровья поведению.

Мы предположили, что по сравнению с мужчинами, рискующими окказионально, и сильно рискующими мужчинами низкорисковые мужчины будут считаться респондентами – женщинами и мужчинами – менее привлекательными, но получать более высокие оценки, когда речь идет о качествах, помогающих обеспечить лучший уровень жизни. Кроме того, мы ожидали получить разницу в оценках привлекательности в зависимости от длительности отношений (краткосрочные или долгосрочные): сильно рискующие мужчины должны быть непривлекательными в качестве долгосрочных партнеров (*Бутовская, Смирнов 2003*). По склонности к агрессии и опасному для собственного здоровья поведению, мы предсказывали, что сильно рискующие мужчины будут оцениваться как более агрессивные и склонные к небрежному отношению к своему здоровью, по сравнению с мужчинами средней степени риска. Что касается конкурентоспособности, мы ожидали увидеть более высокие баллы у обоих типов склонных к риску мужчин. Учитывая предыдущие сообщения о сходстве мужчин и женщин в оценках идеологии маскулинности в России (*Ильин 2003; Ковалевский 2011; Митина и др. 2003*), мы не ожидали обнаружить влияние пола респондента на оценку рискованного поведения.

Материалы и методы

Выборка включала 701 участника (206 мужчин, 495 женщин) в четырех возрастных группах: 18–29 лет: 72 мужчины, 160 женщин; 30–39 лет: 74 мужчины, 220 женщин; 40–49 лет: 52 мужчины, 99 женщин; 50+ лет: 8 мужчин, 16 женщин. Боль-

шинство респондентов из Москвы, опрос проводился по электронной почте и через ссылку, размещенную на Facebook.

Мы создали три виньетки (*Finch* 1987), каждая из которых описывает ситуацию, где 25-летняя женщина, окончившая университет и работающая в небольшой, стабильной компании, встречает 27-летнего мужчину и начинает общаться с ним; степень склонности к риску у мужчин варьировалась в трех виньетках от низкой к высокой. Особое внимание в предлагаемых сценариях уделялось физическим рискам и наличию опасных ситуаций в жизни описываемого мужчины. Виньетка 1 (низкая степень риска) представляла мужчину, который очень редко подвергается риску. Он избегает опасных ситуаций и предпочитает стабильность. Виньетка 2 (средняя степень риска) описывала молодого человека, который время от времени подвергается риску. Его хобби – скалолазание, он любит путешествовать и открыт для нового волнующего опыта, связанного с эпизодическим пребыванием в опасных ситуациях. Виньетка 3 (высокая степень риска) описывала человека, профессия которого связана с постоянным риском – он военный журналист. Эта работа привлекает его тем, что она опасна и полна реального риска. Он любит путешествовать в малонаселенные регионы.

Виньетки:

Ситуация 1. Анна, 25 лет, закончила университет. Она год работает в небольшой стабильной компании. Она не находится в отношениях с кем-либо, когда знакомится с Дмитрием и начинает встречаться с ним. Дмитрию 27 лет, он тоже закончил университет. Он уже пять лет работает в стабильной компании. Дмитрий регулярно тренируется в спортзале. Хороший отдых для Дмитрия ассоциируется с тишиной и спокойствием. Это может быть морское побережье или горы. Иногда он проводит отпуск на горнолыжных курортах. Ему нравятся ощущения, которые дают занятия горными лыжами, нравится скорость. Но он старается избегать внешних факторов, увеличивающих риск: поэтому, например, он катается только по хорошо подготовленным трассам, и никогда вне трасс.

Ситуация 2. Алёна, 25 лет, закончила университет. Она год работает в небольшой стабильной компании. Она не находится в отношениях с кем-либо, когда знакомится с Сергеем и начинает встречаться с ним. Сергею 27 лет, он также закончил университет и недавно поменял работу. В этой работе его привлекают перемены, связанные с возможностью поменять окружение и освоить новые навыки. Главное увлечение Сергея – скалолазание. В свободное время в городе он тренируется на искусственных скалодромах. Отпуск он обычно проводит в горах с друзьями. Ему нравится время от времени получать волнующий опыт, связанный с пребыванием в опасной ситуации. Он любит путешествовать. Ему нравится пробовать что-то новое, особенно если это новое связано с получением волнующих ощущений: горные лыжи, дайвинг, прыжки с парашютом.

Ситуация 3. Марина, 25 лет, закончила университет. Она год работает в небольшой стабильной компании. Она не находится в отношениях с кем-либо, когда знакомится с Андреем (27 лет) и начинает встречаться с ним. Андрей также имеет высшее образование. На одной из первых встреч Марина узнает о том, что работа Андрея связана с высоким риском для жизни. Он военный журналист и большую часть времени проводит в командировках в горячих точках. Он откровенно признается, что

именно реальный, а не «игровой» риск – одна из основных вещей, которая его привлекает в профессии. Он рассказывает истории о войне и смерти очень спокойно. Андрей признается, что любит много времени проводить один. В том числе он любит путешествовать в одиночку и выбирает малонаселенные регионы, где в случае какого-либо происшествия полагаться можно только на себя.

Процедура

Женщин, участниц опроса, просили внимательно прочитать каждую виньетку и оценить мужчину по каждому из трех предложенных сценариев с точки зрения его привлекательности для краткосрочных отношений («на одну ночь») и долгосрочных романтических отношений; оценить его потенциал с точки зрения способности обеспечить качество жизни и безопасность; а также оценить конкурентоспособность, уровень агрессии и склонность к опасному для здоровья поведению (курение, алкоголь, незащищенный секс) по 5-балльной шкале (1 – совсем не привлекателен/совсем не обладает этим качеством/склонностью. 5 – очень привлекателен/качество/склонность сильно выражены). Мужчинам-участникам было предложено оценить мужчин-героев виньеток с женской точки зрения (то есть, будут ли женщины считать этого человека высоко/низко привлекательным, агрессивным и т.д.).

Результаты

В таблице 1 приводится описательная статистика данных об оценках трех профилей риска (3 виньетки) для мужчин и женщин. Смешанная модель дисперсионного анализа ANOVA, 3 (риск) x 2 (пол) была применена, чтобы проверить, есть ли различия в мужских и женских оценках трех профилей риска. Краткосрочная привлекательность (КП), долгосрочная привлекательность (ДП), качество обеспечения (КО), конкурентоспособность, агрессия и склонность к опасному для здоровья поведению (ОДЗП) выступали в качестве зависимых переменных.

Таблица 1

Описательная статистика (M и SD) оценок рискованного поведения мужчинами и женщинами

	Низкорисковый мужчина		Среднерисковый мужчина		Высокорисковый мужчина	
	Оценки мужчин	Оценки женщин	Оценки мужчин	Женщины	Оценки мужчин	Женщины
Краткосрочная привлекательность	3.25 (1.19)	3.19 (1.20)	4.29 (0.94)	3.92 (1.21)	3.86 (1.01)	3.38 (1.42)
Долгосрочная привлекательность	4.33 (0.79)	4.10 (1.06)	3.43 (1.09)	3.25 (1.14)	2.50 (1.05)	2.17 (1.16)

Таблица 1 (продолжение)

	Низкорисковый мужчина		Среднерисковый мужчина		Высокорисковый мужчина	
	Оценки мужчин	Оценки женщин	Оценки мужчин	Оценки женщин	Оценки мужчин	Оценки женщин
Способность к обеспечению	4.34 (0.77)	4.28 (0.82)	3.31 (1.09)	3.08 (1.07)	2.95 (1.19)	2.54 (1.23)
Конкурентоспо-собность	3.07 (0.93)	3.13 (0.91)	4.07 (0.94)	3.91 (0.89)	4.20 (0.90)	4.03 (1.00)
Агрессия	2.59 (0.95)	2.40 (0.93)	2.71 (1.02)	2.40 (1.03)	3.25 (1.11)	3.21 (1.16)
Опасное для здоровья поведение	2.30 (1.01)	2.22 (1.01)	3.02 (1.16)	2.88 (1.14)	3.63 (1.22)	3.58 (1.28)

Были выявлены главные эффекты рискованного поведения: влияние степени склонности к риску на оценку привлекательности для КП ($F(1.91, 1330.93) = 92.98$, $p < .001$, $\eta^2_p = .12$) и для ДП ($F(1.95, 1361.07) = 470.04$, $p < .001$, $\eta^2_p = .40$), оценку КО ($F(1.93, 1344.35) = 383.48$, $p < .001$, $\eta^2_p = .35$), конкурентоспособности ($F(1.96, 1365.01) = 219.08$, $p < .001$, $\eta^2_p = .24$), уровня агрессии ($F(1.96, 1369.65) = 96.66$, $p < .001$, $\eta^2_p = .12$) и склонности к ОДЗП ($F(1.99, 1378.91) = 225.09$, $p < .001$, $\eta^2_p = .25$). Мужчины, склонные к риску окказионально, оценивались высоко по привлекательности для «отношений на одну ночь» (КП), за ними следовали высокорисковые мужчины и мужчины с низкой степенью риска. Парные тесты (поправка Бонферрони) выявили различия для каждого сравнения групп ($p < .001$). Оценка привлекательности для долгосрочных отношений (ДП) была выше для лиц с низким уровнем риска, чем для мужчин, рискующих время от времени ($p < .001$); оба профиля получили более высокие оценки, чем мужчины с высокой склонностью к риску ($p < .001$). Низкорисковые мужчины были оценены максимально по параметру «способность обеспечить качество жизни» (КЖ), более низкие баллы получили мужчины из «средней» по степени склонности к риску группы и самые низкие – высокорисковые мужчины ($p < .001$). Выше всего респонденты оценили конкурентоспособность высокорисковых мужчин, чуть меньше баллов получили мужчины из группы окказионально рискующих мужчин ($p < .05$). Наименее конкурентоспособными воспринимаются низкорисковые мужчины ($p < .001$). Оценка склонности к агрессии была самой высокой для лиц, склонных к постоянному риску и отличалась от оценок мужчин со средней склонностью к риску и мужчин, старающихся избегать риска ($p < .001$). В то же время мужчины, рискующие время от времени и мужчины, не склонные к риску не отличались друг от друга ($p = .86$). Небрежное отношение к здоровью, проявляющееся в употреблении алкоголя, курении и незащищенным половым контактам, чаще приписывалось вы-

сокорисковым мужчинам. Самую низкую оценку по этой шкале ожидаемо получили мужчину, избегающие риска (рис. 1).

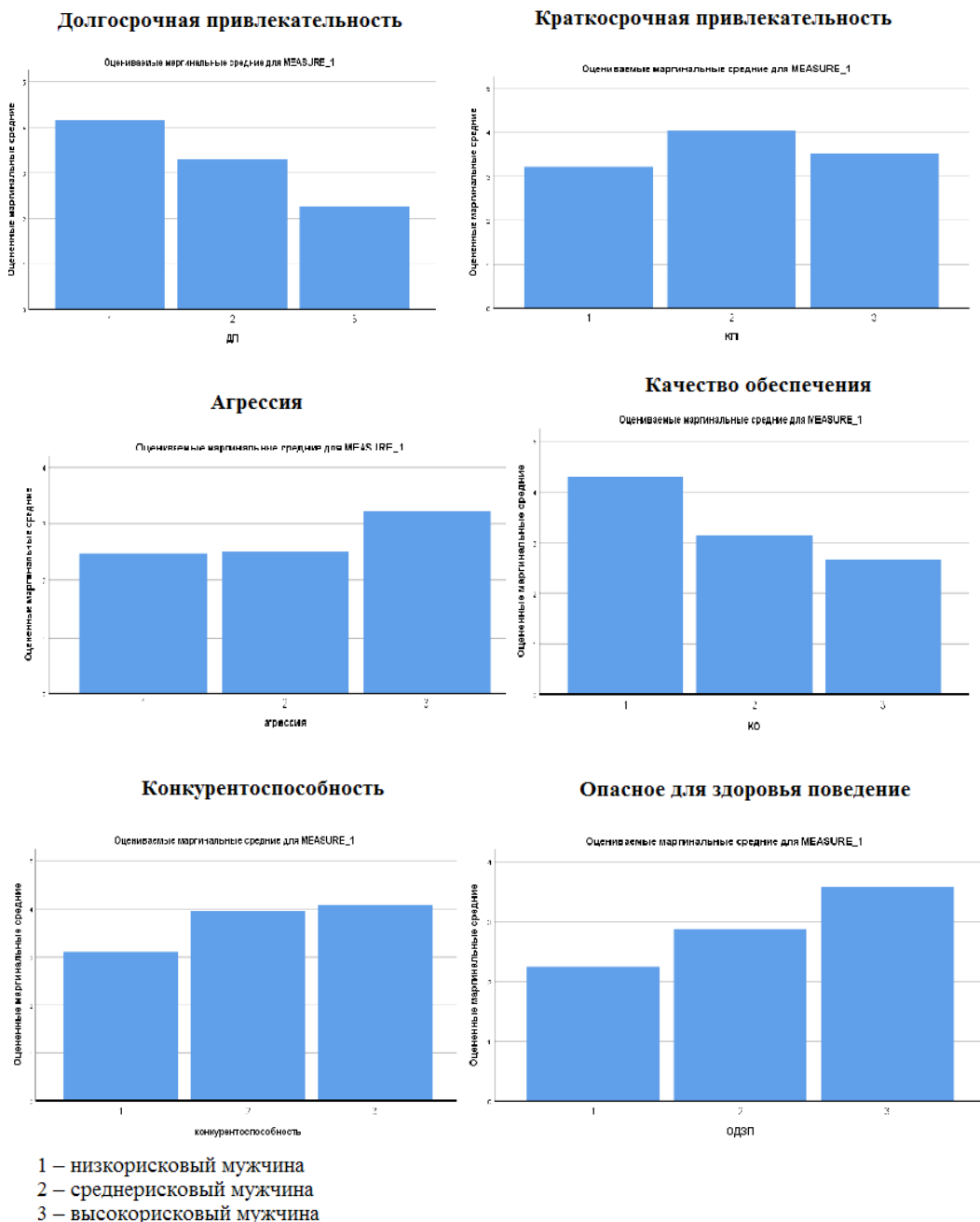

Рис. 1. Групповые сравнения мужских и женских (комбинированной) оценок склонности к риску у мужчин.

Были также установлены половые различия в оценках четырех профилей риска с точки зрения КП ($F(1, 698) = 19,52, p < .001, \eta^2_p = .03$) и ДП ($F(1, 699) = 19,31, p < .001,$

$^2 = .03$), КО ($F(1, 700) = 18.29, p < .001, \eta^2_p = .03$) и агрессии ($F(1, 544) = 7.53, p < .01, \eta^2_p = .01$). Достоверных половых различий не выявлено при сравнении трех профилей риска для оценки конкурентоспособности ($p = .07$) и ОДЗП ($p = .07$). Парные сравнения (поправка Бонферрони) показали, что мужчины дают оценки выше, чем женщины по параметрам привлекательности для краткосрочных ($p < .001$) и долгосрочных ($p < .001$) отношений, КО ($p < .001$) и агрессии ($p < .01$).

Обсуждение

Мы предполагали, что мужчины, склонные избегать риска, будут оцениваться как менее привлекательные по сравнению с мужчинами, принимающими риски; в то же время мы прогнозировали, что молодые люди, не склонные к риску, будут оцениваться более высоко по потенциальной способности обеспечивать качество жизни и ниже по степени агрессии, чем мужчины, склонные к риску. Наши данные свидетельствуют о значительном влиянии степени склонности к риску на оценку привлекательности для краткосрочных «на одну ночь» и долгосрочных отношений, а также на оценку способности мужчин обеспечить качество жизни. Избегающие риска мужчины получили самые низкие рейтинги привлекательности для краткосрочных отношений, но были оценены как самые привлекательные для длительных отношений. Долгосрочная привлекательность мужчин, рискующих окказионально, была ниже, чем мужчин, избегающих риска, а мужчины, склонные рисковать постоянно были оценены наименее положительно. Была выявлена противоположная картина для оценки потенциальной способности обеспечить качество жизни и безопасность: мужчины, избегающие риска, были оценены наиболее высоко, за ними следовали мужчины, рискующие физически время от времени, самую низкую оценку получили высокорисковые мужчины. Эти данные согласуются с результатами других исследований восприятия мужского поведения, связанного с риском (*Бутовская, Смирнов 2003; Bassett, Moss 2004; Kelly, Dunbar 2001; Sylwester, Pawlowski 2007*). Предполагается, что способность принимать физические риски может сигнализировать о высоком качестве мужчины (*Wilke et al. 2006*). Тем не менее, в нашем исследовании мужчины, склонные рисковать постоянно, не были оценены как максимально привлекательные для краткосрочных отношений и секса.

Фесслер с соавторами (*Fessler et al. 2014*) предложили рассматривать склонность мужчин к физическому риску как сигнальную функцию, направленную на формирование впечатления о рискованных мужчинах как о более опасных и доминантных по сравнению с мужчинами, не склонными к риску. Они показали, что склонные к риску мужчины действительно воспринимаются как более крупные, сильные и жестокие, чем мужчины, избегающие риска. Более того, эти авторы предполагают, что ассоциация рискованности с жестокостью может объяснить связи этих признаков с насилием. Результаты нашего исследования не позволяют более детально обсуждать вопрос этой взаимосвязи, поскольку у нас нет данных, касающихся жестокости склонных к риску мужчин. Однако, вслед за некоторыми учеными, мы считаем правдоподобным допущение о том, что высокая степень риска может ассоциироваться с большей вероятностью насилия, особенно, по мнению женщин (*Snyder et al. 2011*).

В настоящем исследовании мужчины, склонные подвергать свою жизнь опасности и рискующие постоянно, были оценены как потенциально наиболее прене-

брежительно относящиеся к своему здоровью и с большей вероятностью склонные к разрушительным для здоровья привычкам – употреблению стимулирующих веществ, злоупотреблению алкоголем, курению. Подобные данные получили и американские исследователи, изучавшие отношение к здоровому образу жизни в России. По их мнению, у российских мужчин высокий риск может быть связан с нездоровым поведением (в частности, с употреблением алкоголя) (Cockerham 2000), которое, разумеется, не считается привлекательным, что также могло повлиять на более низкие оценки привлекательности склонных к постоянному риску мужчин, особенно в контексте долгосрочных отношений.

Параметр, по которому высокорисковые мужчины были оценены ощутимо выше избегающих риска мужчин и немного опередили мужчин со средним уровнем риска – конкурентоспособность. Это может быть связано с тем, как люди оценивают уровень агрессии в зависимости от степени склонности к риску. В настоящем исследовании склонные к постоянному риску мужчины были признаны более агрессивными, чем мужчины, рискующие физически только время от времени или избегающие риска, без существенных различий между последними. Большая же агрессивность может ассоциироваться также с большей конкурентоспособностью, особенно в том случае, когда под конкурентоспособностью понимается соревновательность, готовность к соперничеству и борьбе за достижение каких-либо выгод. Именно связка этих черт, наряду со склонностью к риску и любовью к новизне, образуют одну из устойчивых парадигм маскулинной идеологии (Кон 2008; 2010).

Половые различия в агрессии задокументированы во многих западных обществах и объясняются половыми различиями в социальных ролях, жизненной истории и контекстно-зависимой изменчивости репродуктивной конкуренции внутри и между полами (Archer 2004). При этом, конкуренция между мужчинами за доступ к женщинам, как правило, выше в полигамных обществах, и механизмы, способствующие агрессии и доминированию в таких обществах, могут быть адаптивными, поскольку они способствуют успеху в соперничестве мужчин (Butovskaya et al. 2015; Grey 2003). Соперничество же всегда сопряжено с риском. В сравнительном исследовании охотников-собирателей хадза (моногамны) и скотоводов датога (полигамны) Танзании М. Бутовская с соавторами обнаружили, что скотоводы проявляют более высокий уровень агрессии, чем охотники-собиратели, что может объясняться различными формами брачных отношений: более высокая внутривидовая конкуренция у полигамных датога может быть причиной наблюдаемого более высокого уровня агрессии по сравнению моногамными хадза (Butovskaya et al. 2015). Кроме того, датога ведут постоянные войны с масаями и постоянно подвергаются опасности и риску.

Интересно, что наше недавнее исследование самооценок по агрессии мужчин, склонных к риску, не выявило большей агрессивности высокорисковых мужчин по сравнению с мужчинами, избегающими риска (Апалькова и др. 2018). Более того, по эмоциональным шкалам агрессии гнев, враждебность и вербальная агрессия мужчины из высокорискованной группы (бойцы отрядов специального назначения) оценили себя достоверно ниже, чем представители группы мужчин, рискующих время от времени (мужчины, имеющие хобби, связанное с риском – альпинизм, скалолазание, скайдайвинг) и группы контроля, состоящей из мужчин, не имеющих экстремальных хобби. Сходные данные мы получили и в исследовании, где сравнивались военные-десантники и группа мужчин, не склонных к риску (Апалькова и др. 2017).

Таким образом, то, как в обществе воспринимаются высокорисковые мужчины, может не соответствовать тому, как эти мужчины оценивают себя сами, а также реально демонстрируемому поведению. Возможно существующая базовая склонность к агрессии у высокорисковых мужчин, обусловленная высоким уровнем тестостерона, может подавляться, если профессиональная деятельность требует высокого уровня самоконтроля и человек в результате тренировок приобрел устойчивый навык сдерживания негативных эмоций, как в случае с опрошенными нами бойцами спецназа.

По всем шести параметрам, проанализированными нами по виньеткам, были выявлены различия, связанные с полом респондентов. При этом оценки мужчин были выше оценок женщин. То есть пол участников имел значение при оценке трех профилей рискованного поведения, хотя достоверные различия были выявлены только при оценке КП, ДП, КО и агрессии. Интересно, что мужчины оценивали высокорисковых и среднерисковых мужчин по краткосрочной привлекательности заметно выше, чем это делали женщины. То есть мужчины предполагают, что женщины будут рассматривать мужчин, склонных к риску, как более привлекательных в контексте краткосрочных отношений, в то время как такая оценка не всегда разделяется женщинами.

Таким образом, склонность к риску у мужчин может рассматриваться как привлекательная черта, особенно в контексте краткосрочных отношений, но лишь в определенных пределах. Мужчины, проявляющие высокую склонность к риску, воспринимаются как менее надежные и более агрессивные. Несмотря на то, что это далеко не всегда соответствует действительности, агрессия, стремление к острым ощущениям и небрежное отношение к собственному здоровью часто выступают как единый архетипический комплекс черт, которым в общественном сознании наделяются мужчины, склонные к физическому риску.

Научная литература

- Апалькова Ю.И., Бутовская М.Л., Бронникова Н.К.* Устойчивые сочетания морфофункциональных и личностных характеристик у мужчин высокорисковых профессий. Вестник Московского университета. Серия XXIII Антропология, 2018. № 4. С. 67–76. DOI: 10.32521/2074-8132.2018.4.067-076.
- Апалькова Ю.И., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н.* 2D:4D, самооценки по агрессии, склонности к риску и чертам личности у парашютистов. Вестник Московского университета. Серия XXIII Антропология, 2017. № 2. С. 54–60.
- Бутовская М.Л., Буркова В.Н.* Социальный статус и репродуктивный успех мужчин в эгалитарном обществе хадза – охотников-собирателей северной Танзании // Антропология социальных перемен / под ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 365–386.
- Бутовская М.Л., Смирнов О.В.* Гендерные различия в выборе постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества как отражение репродуктивных стратегий человека. Этнографическое обозрение, 2003. №1. С. 141–163.
- Давыдов А.В.* Исследование личностных особенностей подростков, имеющих установку на употребление алкоголя. Ярославский педагогический вестник, 2007. № 2. С. 55–57.
- Жарков Г.В.* Рискованность мужественности: роль гендерных факторов в формировании поведенческого риска у молодежи // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации: Психофизиология экстремальности. Грани экстремального. Культурно и этнически маркированные категории «экстремального». Экстремальное: жизнь и текст. Территория экстремального / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Индрик, 2007. С. 62–66.

- Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
- Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
- Ковалевский Д.В. Идеология маскулинности как причина спроса на проституционные услуги в современной России. Вектор науки ТГУ, 2011. № 2 (16). С. 358–365.
- Кон И.С. Маскулинность в меняющемся мире. Вопросы философии, 2010. № 5. С. 25–35.
- Кон И.С. Мужская роль и гендерный порядок. Вестник общественного мнения, 2008. № 2 (март–апрель). С. 37–43.
- Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009. 704 с.
- Митина О.В., Касперт А., Низовских Н.А. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование. Общественные науки и современность, 2003. № 2. С. 164–176.
- Морозов И.А. «Мужская экстремальность» как повод к размышлению о «сущности мужского» // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации: Психофизиология экстремальности. Грани экстремального. Культурно и этнически маркированные категории «экстремального». Экстремальное: жизнь и текст. Территория экстремального / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Индрик, 2007. С. 5–10.
- Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г. Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения. Вестник РУДН. Серия: Социология, 2015. № 4. С. 44–57.
- Тулузакова М.В. Социокультурные образцы феминного и маскулинного и проблема гендерного равенства. Вестник ТГЭУ, 2009. № 4. С. 105–118.
- Халикова В.Р. Экстремалы города // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации: Психофизиология экстремальности. Грани экстремального. Культурно и этнически маркированные категории «экстремального». Экстремальное: жизнь и текст. Территория экстремального / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Индрик, 2007. С. 244–259.
- Apicella C.L., Crittenden A.N., Tobolksy V.A. Hunter-gatherer males are more risk-seeking than females, even in late childhood. *Evolution and Human Behavior*, 2017. No. 38. P. 592–603.
- Archer J. Sex differences in aggression in real-world settings: a meta-analysis review. *Review of General Psychology*, 2004. No. 8. P. 291–322.
- Baker M.D. Jr., Maner J.K. Risk-taking as a situationally sensitive male mating strategy. *Evolution and Human Behavior*, 2008. No. 29. P. 391–395.
- Bassett J.F., Moss B. Men and women prefer risk takers as romantic and nonromantic partners. *Current Research in Social Psychology*, 2004. No. 9. P. 133–144.
- Bliedge Bird R., Smith E.A., Bird D.W. The hunting handicap: costly signaling in human foraging strategies. *Behavioral Ecology and Sociobiology*, 2001. No. 50. P. 9–19.
- Buss D.M. The evolution of desire: strategies of human mating. New York: Basic Books, 1994.
- Butovskaya M., Burkova V., Karelin D., Fink B. Digit ratio (2D:4D), aggression, and dominance in the Hadza and the Datoga of Tanzania. *American Journal of Human Biology*, 2015. Vol. 27, Issue 5. P. 620–627.
- Byrnes J.P., Miller D.C., Schafer W.D. Gender differences in risk-taking: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 1999. No. 125. P. 367–383.
- Charness G., Gneezy U. Strong evidence for gender differences in risk taking. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2012. No. 83. P. 50–58.
- Cockerham W.C. Healthy lifestyles in Russia. *Social Science and Medicine*, 2000. No. 51. P. 1313–1324.
- Farthing G.W. Attitudes toward heroic and nonheroic physical risk takers as mates and as friends. *Evolution and Human Behavior*, 2005. No. 26. P. 171–185.
- Fessler D.M.T., Ziokhin L.B., Hoolbrook C., Gervais M.M., Snyder J.K. Foundations of the Crazy Bastard Hypothesis: nonviolent physical risk-taking enhances conceptualized formidability. *Evolution and Human Behavior*, 2014. No. 35. P. 26–33.

- Finch J.* The vignette technique in survey research. *Sociology*, 1987. No. 21. P. 105–114.
- Gray P.B.* Marriage, parenting and testosterone variation among Kenyan Swahili men. *American Journal of Physical Anthropology*, 2003. No. 122. P. 279–286.
- Harris C.R., Jenkins M., Glaser D.* Gender differences in risk assessment: why do women take fewer risks than men? *Judgement and Decision Making*, 2006. No. 1. P. 48–63.
- Hawkes K.* Showing off: test of an hypothesis about men's foraging goals. *Ethology and Sociobiology*, 1991. No. 12. P. 29–54.
- Hillier L.M., Morrongiello B.A.* Age and gender differences in school-age children's appraisals of injury risk. *Journal of Pediatric Psychology*, 1998. No. 23. P. 229–238.
- Hofstede G.* Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Second Edition. CA: Sage, Thousand Oaks, 2001. 596 p.
- Kruger D.J., Nesse R.M.* Sexual selection and the male:female mortality ratio. *Evolutionary Psychology*, 2004. No. 2. P. 66–85.
- Pawlowski B., Atwal R., Dunbar R.I.M.* Sex differences in everyday risk-taking behavior in humans. *Evolutionary Psychology*, 2008. No. 6. P. 29–42.
- Petraitis J.M., Lampman C.B., Boeckmann R.J., Falconer E.M.* Sex differences in the attractiveness of hunter-gatherer and modern risks. *Journal of Applied Social Psychology*, 2014. No. 44. P. 442–453.
- Smith E.A., Bliege Bird R., Bird D.W.* The benefits of costly signaling: Meriam turtle hunters. *Behavioral Ecology*, 2001. No. 14. P. 116–126.
- Snyder J.K., Fessler D.M.T., Tiokhin L., Frederick D.A., Lee S.W., Navarrete C.D.* Trade-offs in a dangerous world: women's fear of crime predicts preference for aggressive and formidable mates. *Evolution and Human Behavior*, 2011. No. 32. P. 127–137.
- Stack S., Bankowski E.* Divorce and drinking: an analysis of Russian data. *Journal of Marriage and Family*, 1994. No. 56. P. 805–812.
- Sylwester K., Pawlowski B.* Daring to be darling: attractiveness of risk takers as partners in long- and short-term sexual relationships. *Sex Roles*, 2011. No. 64. P. 695–706.
- Trivers R.L.* Parental investment and sexual selection // *Sexual selection and the descent of man, 1871–1971* / ed. by B. Campbell. Chicago: Aldine, 1972. P. 136–179.
- Waldron I.* Changing gender roles and gender differences in health behavior // *Handbook of health behavior and research I: personal and social determinants* / ed. by G.S. Goodman. New York: Plenum Press, 1997. P. 303–328.
- Weber E.U., Blais A., Betz E.N.* A domain-specific attitude risk-attitude scale: measuring risk perception and risk behaviors. *Journal of Behavioral Decision Making*, 2002. No. 15. P. 263–290.
- Wilke A., Hutchinson J.M.C., Todd P.M., Kruger D.* Is risk taking a cue in mate choice? *Evolutionary Psychology*, 2006. No. 4. P. 367–393.
- Wilson M., Daly M.* Competitiveness, risk taking and violence: the young male syndrome. *Ethology and Sociobiology*, 1985. No. 6. P. 59–73.

References

- Apal'kova, Yu.I., M.L. Butovskaya, and N.K. Bronnikova. 2018. Ustoichivye sochetaniya morfofunktsional'nykh i lichnostnykh kharakteristik u muzhchin vysokoriskovykh professii [Stable combination of morphological, functional and personal characteristics of the men with high-risk professions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII Antropologiya* 4: 67–76. DOI: 10.32521/2074-8132.2018.4.067-076.
- Apal'kova, Yu.I., M.L. Butovskaya, and Yu.N. Fedenok. 2017. 2D:4D, samoosenki po agressii, sklonnosti k risku i chertam lichnosti u parashyutistov [2D:4D, jumpers' self-esteem on aggression, propensity for risk taking and personality traits]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII Antropologiya* 2: 54–60.
- Butovskaya, M.L., and O.V. Smirnov. 2003. Gendernye razlichiya v vybore postoyannogo polovogo partnera v srede sovremennogo moskovskogo studenchestva kak otrazhenie reproduktivnykh

- strategii cheloveka [Gender differences in the choice of a permanent sexual partner among modern Moscow students as a reflection of human reproductive strategies]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 141–163.
- Butovskaya, M.L., and V.N. Burkova. 2011. Sotsial'nyi status i reproduktivnyi uspekh muzhchin v egalitarnom obshchestve khadza – okhotnikov-sobiratelei severnoi Tanzanii [Men social status and reproductive success in the egalitarian society of Hadza, the hunters and gatherers of Northern Tanzania]. In *Antropologiya sotsial'nykh peremen*, edited by E. Guchinova and G. Komarova, 365–386. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- Davydov, A.V. 2007. Issledovanie lichnostnykh osobennostei podrostkov, imeyushchikh ustanovku na upotrebleniye alkogolya [Study of personal characteristics of adolescents with a focus on alcohol consumption]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* 2: 55–57.
- Ilyin, E.P. 2003. *Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny* [Differential psychophysiology of men and women]. St. Petersburg.
- Ilyin, E.P. 2012. *Psikhologiya riska* [Psychology of risk]. St. Petersburg: Piter.
- Khalikova, V.R. 2007. Ekstremaly goroda [Extremals of the city]. In *Muzhskoi sbornik* [Men's collection]. Issue 3, edited by I.A. Morozov and N.L. Pushkareva, 244–259. Moscow: Indrik.
- Kon, I.S. 2008. Muzhskaya rol' i gendernyi poryadok [Male role and gender order]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* 2 (March–April): 37–43.
- Kon, I.S. 2009. *Mal'chik – otets muzhchiny* [The boy is a father of the man]. Moscow: Vremya.
- Kon, I.S. 2010. Maskulinnost' v menyayushchemsya mire [Masculinity in a changing world]. *Voprosy filosofii* 5. 25–35.
- Kovalevskii, D.V. 2011. Ideologiya maskulinnosti kak prichina sprosa na prostitutsionnye uslugi v sovremennoi Rossii [Ideology of masculinity as the reason of demand for sexual services in modern Russia]. *Vektor nauki TGU* 2 (16): 358–365.
- Mitina, O.V., A. Kaspert, and N.A. Nizovskikh. 2003. Ideologiya maskulinnosti v Rossii: postanovka problemy i eksperimental'noe issledovanie [Ideology of masculinity in Russia: problem statement and experimental research]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 2: 164–176.
- Morozov, I.A. 2007. “Muzhskaya ekstremal'nost'” kak povod k razmyshleniyu o “sushchnosti muzhskogo” [“Male extremity” as a reason to think about the “essence of the male”]. In *Muzhskoi sbornik* [Men's collection]. Issue 3, edited by I.A. Morozov and N.L. Pushkareva, 5–10. Moscow: Indrik.
- Puzanova, Zh.V., and A.G. Tertyshnikova. 2015. Metod vin'etok v sotsiologicheskikh issledovaniyakh: metodologicheskie printsipy i metodicheskie resheniya [Vignette method in sociological research: methodological principles and methodological solutions]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* 4: 44–57.
- Tuluzakova, M.V. 2009. Sotsiokul'turnye obraztsy feminnogo i maskulinnogo i problema gendernogo ravenstva [Socio-cultural patterns of feminine and masculine and an issue of gender equality]. *Vestnik TGEU* 4: 105–118.
- Zharkov, G.V. 2007. Riskovannost' muzhestvennosti: rol' gendernykh faktorov v formirovaniy povedencheskogo riska u molodezhi [Riskiness of masculinity: the role of gender factors in the formation of young people's behavioral risk]. In *Muzhskoi sbornik* [Men's collection]. Issue 3, edited by I.A. Morozov and N.L. Pushkareva, 62–66. Moscow: Indrik.

Y.I. Apalkova. Person Perception, Attractiveness, and Assessment of Men with Tendency to Take Risks: Evolutionary Aspects

The male behavioural strategy associated with physical risk is one of the universal foundations on which the ideas of masculinity established in society are based. Risk-taking propensity in general can signal a man's greater competitiveness, and physically risky actions can be perceived as "courageous" behavior and evidence of strength and athleticism. The results of a number of experimental studies and observations recorded sexual differences in

risky behavior. In particular, young men are more likely to take physical risks than women. Evolutionary scientists have suggested that these differences may be a result of male competition for access to sexual partners. In this study we present an analysis of male and female physical risk assessments of men in the Russian sample (n = 701). Men and women were offered vignettes describing men who differed in risk-taking propensity. Respondents needed to assess the attractiveness of men in the context of long-term romantic and short-term (so-called "one night stand") relationships, as well as to assess their competitiveness, tendency to aggression, provisioning quality and a tendency to dangerous health behavior (alcohol abuse, unprotected sex, etc.). The degree of risk tolerance was significant in the evaluation of all the proposed parameters. Men who demonstrate an average degree of risk-taking propensity received the highest ratings for attractiveness for short-term relationships. Low-risk men were found to be more attractive in long-term relationships and able to provide the best quality of life. Men who choose a type of activity associated with constant physical risk and danger were assessed as the most aggressive and competitive. In addition, high risk propensity was associated with a higher propensity for unhealthy lifestyles and bad habits. Thus, male risk-taking behaviour affects men's social perception, attractiveness and quality assessment, and a high degree of risk-taking is not always perceived as a positive quality.

Key words: *men, risk-taking behavior, aggression, perception, attractiveness, competitiveness, mate choice*